

Эдуард Амчиславский

Неизвестный Кирсанов?!

Стихи о кино

Семен Кирсанов. 1930-е гг.

Уважаемые читатели, я не зря поставил в конце названия и восклицательный знак, и знак вопроса. Какой из этих знаков правильный, узнаем через некоторое время. А пока небольшое отступление.

Многие из вас знают, что более сорока лет мы с отцом, Борисом Амчиславским, занимаемся изучением жизни и творчества Леонида Утесова. Был в биографии Леонида Осиповича и небольшой период кинематографической карьеры. Я не о кинофильме «Веселые ребята», а о более раннем периоде.

Для Утесова все началось в 1917 году в Одессе короткой, практически проходной ролью адвоката Зарудного в кинокартине «Жизнь и смерть лейтенанта Шмидта». А вот в середине двадцатых годов уже в Ленинграде почти подряд Леонид Утесов снялся в фильмах «Торговый дом «Антанта и К^о», «Чужие» (вместе с дочерью Эдит) и «Карьера Спирьки Шпандыря».

Решил я посмотреть, осталась ли какая-либо информация об этих работах на страницах газеты «Кино», вышедшей в те годы. Удалось пролистать подшивку за вторую половину 1925 и за 1926 год. Среди материалов, опубликованных на страницах газет, я обратил внимание на то, что среди авторов много одесситов: Вера Инбер и Семен Кирсанов, Эдуард Багрицкий и Семен Гехт, Исаак Бабель и Лев Славин. А еще статьи о съемках на Одесской кинофабрике ВУФКУ, реклама фильмов, снятых в Одессе...

О публикациях Веры Инбер на страницах газеты «Кино» я написал в заметке «Киностатьи Веры Инбер» (альманах «Дерибасовская – Ришельевская» № 87, 2021). Сегодня хочу рассказать о еще одном авторе-одессите.

Трижды в газетах были опубликованы стихотворения Семена Кирсанова. Для меня это имя имеет особое значение. Во время всех своих лекций, выступлений, докладов, связанных с именем Утесова, всегда говорю о песне «У Черного моря». При этом подчеркиваю, что песня родилась благодаря творческому содружеству трех земляков, трех одесситов – Семена Кирсанова, Модеста Табачникова и Леонида Утесова.

Стихи Семена Кирсанова на страницах газет «Кино», конечно же, посвящены кино. Есть в написании этих стихотворений специфика орфографии тех лет. Решил сверить ее с более поздними изданиями произведений Семена Кирсанова... и был поражен.

Ни в четырехтомном собрании сочинений Семена Кирсанова (Москва, Художественная литература, 1974-1976), ни в его сборнике «Стихотворения и поэмы», вышедшей в серии «Новая библиотека поэта» (Санкт-Петербург, Академический проект, Гуманитарная академия, 2006) этих стихотворений не оказалось. Не смог их найти и вездесущий Google.

Конечно, приятно было бы осознавать, что мне удалось найти неизвестные стихотворения Семена Кирсанова. Но я с удовольствием приму сообщения о том, что они известны литераторам, и кроме публикации в газетах «Кино» в 1925-1926 гг. были напечатаны в каких-нибудь сборниках поэта. Вот поэтому я и поставил два знака после заголовка этого материала. А какой из них правильный, определит время.

Ниже приведены три стихотворения, написанные Семеном Кирсановым до выхода его первого сборника «Прицел. Рассказы в рифмах» (1926).

Орфография оригиналов сохранена.

Актер из детектива

Я к жизни пришел
От романов Майн-Рида.
А жизнь развернулась
И стала – роман.
И я проскакал –
Грохотали копыта
По Южной Америке
В дождь и туман.

Там всадникам любви
Смертельные трюки,
И там, где прорывы
Долин глубоки,
Лежит, разметавши
Притоками руки,
Голубоватое
Тело реки.

И ночью, на взор
Ястребиный надеясь,
Врагов бледнолицых
Ища над рекой –

Актер из детektива.

Я к жизни пришел
От романа Майн-Рида.
А жизнь развернулась
И стала—роман.
И я проскакал—
Грохотали копыта
По Юной Америке
В дождь и туман.

Там всадники любви
Снегряными трында,
И там, где похороны
Детей гаубов,
Лежат, разметавши
Приколки руки,
Годубовотос
Тело режн.

И ночью, на взор
Ястребиный вылезть,
Брыгаб бледношнма,
Ища над рекой—
Летне в долесних
И перьях индеец,
На зебре—как-будто
Одетой в трико.

Но сердце ковбой,
Готовое к бою,
Стучит в магазинной
Коробке ружья,
По запаху слышит
И ждет за собою
Отравленные стрел
И лихого копыя.

Но степь растревожена:
Сыпью по коже
Холод и ливень,
И сразу—гроза.
В такую минуту—
Встает краснокожий
На стременах
И оперяет глаза.

Кто видел кулак,
Размахнувшийся навкось
Сквозь шорох ветров
И дождя и травы.
Кто видел
С полетом вперед тома-
гавка,
Ковбой, летящего
Без головы.

Такое бывает
Не только в романе.
В ушах стрекотанье,
В глазах колесо.
Я новую жизнь
Живу на ярмарке,
Скачу по степи
И врещаю аэсо.

Мне сердце, что камень.
Холодно-тупое.
И может затаить
Я привнесла ружье.
Натянул широкую
Шляпу ковбой,
Чтобы не быть похожим
На сердце свое.

СЕМЕН КИРСАНОВ.

Летит в мокасинах
И перьях индеец.
На зебре – как будто
Одетой в трико.

Но сердце ковбоя,
Готовое к бою,
Стучит в магазинной
Коробке ружья,
По запаху слышит
И ждет за собою
Отравленных стрел
И лихого копыя.

Но степь растревожена.
Сыпью по коже
Холод и ливень,
И сразу – гроза.
В такую минуту –
Встает краснокожий
На стременах
И оперяет глаза.

Кто видел кулак,
Размахнувшийся навкось
Сквозь шорох ветров
И дождя и травы.
Кто видел
С полетом вперед томагавка
Ковбоя, летящего
Без головы.

Такое бывает
Не только в романе,
В ушах стрекотанье,
В глазах колесо.

Я новою жизнью
Живу на экране,
Скачу по степям
И вращаю лассо.

Мне сердце, что камень.
Холодно-тупое.
И может затем
Я привесил ружье,
Напялил широкую
Шляпу ковбоя,
Чтобы не быть похожим
На сердце свое.

Семен Кирсанов
Газета «Кино» № 32 (112), 27 октября 1925 года, с. 2,
рубрика «Когда гаснет свет»

* * *

Театральный зал был суров и пуст,
И люстрами вниз сникал,
Старый занавес тихо выплакивал грусть
Притаившимся колосникам:

«Помню, блеск лорнетный по всем рядам,
Страшно впившиеся глаза,
И когда на сцене актер рыдал,
С ним рыдал потрясенный зал.

Зал, на сцену глядя, дрожал струной,
А теперь – пропадаем. Ой,
Разве видно было, чтоб всей страной
Владел глухонемой!

Скоро – чувствую я – меня сотрут
(Этот червь и сюда прополз),
И на месте моем повесят тут
Просто выбеленный холст.

Это разве искусство? Век —
стыдись.

Было время когда-то... Но
Драматург, режиссер, актер,
статист —
Пошли в кино...

Но остался здесь, я поклясться
готов,

Еще один человек.
То рабочий сцены —
Иван Петров.
Он театру верен навек...

Но на сцене раздался стук
шагов,

И вошел Иван Петров.
Он рассказывал другу
наедине:
«Знаешь, буду служить
в кино.

По червонцу в день за работу,
что ж,

Зарботок не худой,
Говорят, что уж очень я похож
На Распутина — бородой».

Был суров и пуст театральный
зал,

Пыль на выбоинах золотых,
И ни слова занавес не сказал,
Молча сдвинулся и затих.

Семен Кирсанов
Газета «Кино» № 5 (125),
2 февраля 1926 года, с. 2

★ ★
★

Театральный зал был суров и пуст,
И люстрами вниз сникал,
Старый занавес тихо вылакивал
грусть
Притаившимся колосникам:

«Помню, блеск лорнетный по всем
рядам,
Страшно влившись глаза,
И когда на сцене актер рыдал,
С тем рыдал потрясенный зал»

Зал, на сцену глядя, дрожал стру-
ной,
А теперь — пропадаем. Ой,
Разве видно было, чтоб всей стра-
ной
Владел глухонемой!

Скоро — чувствую я — меня согрут
(Этой червь и сюда прополз),
И на месте моем повесят тут
Просто выбеленный холст.

Это разве искусство. Век — сты-
дись.
Было время когда-то... Но
Драматург, режиссер, актер, ста-
тист —
Пошли в кино...

Но остался здесь, я поклясться го-
тов,
Еще один человек.
То рабочий сцены — Иван Петров.
Он театру верен навек...

Но на сцене раздался стук шагов,
И вошел Иван Петров.
Он рассказывал другу наедине:
«Знаешь, буду служить в кино.

По червонцу в день за работу,
что ж,
Зарботок не худой,
Говорят, что уж очень я похож
На Распутина — бородой».

Был суров и пуст театральный
зал,
Пыль на выбоинах золотых,
И ни слова занавес не сказал,
Молча сдвинулся и затих.
С. КИРСАНОВ.

В кино-театрах по ночам —
сияет свет,
а у меня, моя печаль,
приюта нет...

Ах, оковала синева —
моя глаза
В кино — манто да кружева,
зеркальный зал...

Горит плакат на мостовой —
«Париж уснул»...
и слышен грозный и глухой
рояля гул...

Вот — засияет за стеной —
экрана гладь,
и сытый, выбритый герой
начнет «играть»...

Поедет с милой в ресторан,
и поплывет
в бульона сладкий океан —
котлетный шот.

И жар бургонского вина,
и дичи жар...
Она в другого влюблена
и пьет, — дрожа.

Но все-же пьет, но все же ест,
а я — стою,
голодный, у туманных мест —
гляжу на юг...

Уходят люди из кино,
домой, в отель, —
раскрыть весеннее окно
и лечь в постель

Нет для меня угла в Москве,
опять, опять —
пойду в ночной, пустынный
сквер —
синеть и спать...

С. КИРСАНОВ.

* * *

В кинотеатрах по ночам —
сияет свет,
а у меня, моя печаль,
приюта нет...

Ах, оковала синева —
мои глаза

В кино — манто да кружева,
зеркальный зал...

Горит плакат на мостовой —
«Париж уснул»...
и слышен грозный и глухой
рояля гул...

Вот — засияет за стеной —
экрана гладь,
и сытый, выбритый герой
начнет «играть»...

Поедет с милой в ресторан,
и поплывет
в бульона сладкий океан —
котлетный шот.

И жар бургонского вина,
и дичи жар...
Она в другого влюблена
и пьет, — дрожа.

Но все же пьет, но все же ест,
а я — стою,
голодный, у туманных мест —
гляжу на юг...

Уходят люди из кино,
домой, в отель, –
раскрыть весеннее окно
и лечь в постель.

Нет для меня угла в Москве,
опять, опять –
пойду в ночной, пустынный сквер –
синеть и спать...

Семен Кирсанов
Газета «Кино» № 20 (140),
18 мая 1926 года, с. 4

